

САША АРСЛАНОВА

**ОСИНКА.
ЧУЖАЯ СИЛА.**

16+

Саша Арсланова

Осинка. Чужая сила

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57458097

SelfPub; 2023

Аннотация

В мире, где правят Великие Прародители, никто даже не думал спорить с Матерью-Водой, которая отдала семнадцатилетнюю Осинку незнакомцу в счёт древнего долга. Идя вслед за чужаком по лесной глуши, простая деревенская девчонка понимает, что ей случайно достаются силы Лесного Бога. Что ей теперь делать? Сбежать или попытаться помочь хозяину возродить его предка? Конечно, и то, и другое! Главное, не попадаться в руки сумеречным демонам...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	50
Глава 8	56
Глава 9	63
Глава 10	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Саша Арсланова

Осинка. Чужая сила

Глава 1

Коса надоедливая опять за ветку зацепилась, потянула, заставила остановиться со всего маху. Надоела! Отрежу ведь. И, словно чувствуя, распалась она по волосинке, плащом темным спину покрыла, шелковистыми прядями погладила. Я ухмыльнулась, любил лес со мной поиграть: то следы запутает, то сломанное дерево на тропинку положит, обходи, мол. А мог и полянку земляничную подарить. Или травки редкие. Но сейчас я торопилась, некогда мне было лес слушать. Отцепила от волос древесный сучок и припустила со всего духа к дому. Сегодня в деревне праздник, все должны быть! И так уже мама, поди, сердится, что девка куда-то подевалась, совсем замечталась, забыла.

Но лес не хотел так просто отпустить: стоило задуматься, как тут же молодой дубок корень свой мне под ноги выпустил, а я перепрыгнуть не сумела, растянулась во весь рост. И смешно, и больно: нос разбила, испачкалась вся – налетайте женихи, где вы еще такую непутевую найдете?

И тут уж пришлось выбирать: либо совсем опаздывать и бежать через избу переодеваться, либо прямо так – по ко-

роткой тропинке – сразу на общак. К людям прибиться да спрятаться за спинами, может, и не заметит никто. И не надо гадать, меня зная, какую тропку я выберу. Переплетя косу и листом лопуха утерев лицо, я, никуда не торопясь, пошла к берегу на Представление.

Стоит заметить, праздник в этом году для меня непростой был. Еще предки наши заповедали – как молодая девка свое семнадцатое лето отпразднует, так надо ее с Огнем-батюшкой да Водой-матушкой познакомить. И умыть щедро из студеной речки, и согреть потом у костра жгучего, чтобы узнавали ее и любили стихии древние, нами особо почитаемые.

С тех пор, конечно, много лет минуло, и я, к слову, в мать пошла – у них в роду принято Землю больше чествовать, поэтому особо по поводу торжества я не волновалась. Да и девок, вошедших в пору, в этом году много было. И все как на подбор – рослые, румяные, косы с кулак толщиной – есть кем гордиться, кем хвастаться перед Прародителями.

А я? Ну что я. Даром родители Осинкой назвали – ни стати, ни высоты от деревца-тезки мне не досталось. Подросток как есть. Меня даже братья все продолжали детским прозвищем дразнить – Листик. Не доросла я пока до дерева, а Листик по мне в самый раз.

Вышла к общаку и призадумалась. Идти вперед, толкаться, или спрятаться за спинами? Может, про меня и не вспомнят? А что обряд пропущу, так это ничего. Отец, правда, сердиться будет, но он на меня долго никогда не злится, как-ни-

как одна я у него девчонка среди сыновей. А мама меня потом уже Земле по своим обычаям отдельно представит, она Огонь с Водой, конечно, уважает, но Земля – кормилица, маме она роднее, привычнее.

Когда я подошла, девушки-подружки уже кружились в хороводе да песни здравные пели. И хотела бы полюбоваться на красоту такую, но из-за спин не решилась выходить, родителям на глаза боялась показаться. Да и где они в самом деле? Неужели меня ждут дома и праздник из-за бестолковой девки пропускают?

Тут я расстроилась по-настоящему, одно дело – сама опоздала, так нет же – всю родню подвела. Знала ведь, что братья очень идти хотели. Смешно-несмешно, а невест присмотреть надо. Яромиру давно пора жениться, но больно строг он к своей будущей жене: и чтоб стройна, и лицом мила, и на кухне управлялась, и скотину вела, да из семьи хорошей родом. Мама только вздыхала, уже и не думая старшего сына женить. И у близнецов, Драмира и Велислава, возраст подошел, теперь они с полным правом на праздник должны были прийти, в первых рядах стоять, невест выбирать. Но ни братьев, ни родителей я не увидела.

Празднество меж тем набирало обороты. Подходили невесты одна за другой к реке нашей, Ключинице, прямо в одежде по шею в воду заходили, венки с голов снимали и пускали вниз по течению – подарок Матушке-Прародительнице делали.

Их девки загодя плели – сначала цветы да травки собирали, что-то сушили, что-то свежее добавляли. Говорят, иные и выращивать заранее начинали, года за два до Представления, но это уж совсем сказки. Раньше по тому, что в букете, знающему человеку сразу понятно становилось, из какого рода красавица, кто мать с отцом, хорошая ли жена выйдет, добрая ли хозяйка. Сейчас это больше традиция, как, впрочем, и само знакомство с Прародителями. Но традиция, соблюдаемая неукоснительно.

А венок у меня сегодня все-таки был. Я и в лесу потому задержалась – помнила полянку, богатую на цветы. Только вот оставила все на последний момент, плела впопыхах, можно сказать, и не глядя вовсе. По моему венку вряд ли кто скажет, откуда девка родом... Если не назовут безрукой, то и хорошо.

Оставлять без подношения Мать-Воду было неправильно. Осторожно, за спинами соседей, я стала пробираться к реке немного в стороне от остальных, чтобы совсем уж не ломать установившийся порядок.

Бережок на общаке у нас был хороший – пологий и широкий. Говорят, обустроивали его наши предки специально, деревца пересаживали, землю носили, утаптывали. И правда, вся жизнь в деревне вокруг этого берега была: и праздники великие, и свадьбы по осени, да и поминальные встречи. Если бы я по берегу к реке спустилась, тут уж точно меня бы все заметили. За уши, конечно, не стали бы тягать, уже

немаленькая, но ропота было бы много – не принято у нас идти против обычаев. Ещё гнев Прародителей накликаешь!

Поэтому я прошла за кустами выше по течению туда, где ивушки-красавицы до самой воды листья свесили. Опустилась на колени под одним из деревьев и стала Великую Мать о прощении просить. Что взять с меня, озорной да несобранной? Даром что восемнадцатый год. Никак не повзростеть! Мне бы в лесу побегать, ягоды поискать. Ну уж никак не думать, какой стороной в хороводе повернуться, чтобы любимый заметил да со двора замуж увел, в семью новую. Эх, я...

Достала венок, в подол завернутый. Ничего, несильно помялся. И пустила по реке, молясь, чтобы приняла Вода подношение. Ибо сказывали у нас – если дар она не принимала, а венок девичий попадал в руки к какому-нибудь заезжему незнакомцу, то девка в его распоряжение навечно поступала. А уж женится он или чернавкой сделает – это только ему самому решать. И ни родители, ни старейшины рода тут не указ. Становится девка без рода, без племени, пока молодец не сжалится да замуж не возьмет.

Проводила я свой венок глазами, пока течение его не закрутило и не унесло в сторону. Бурная у нас река, гневливая, не раз наводнениями наказывала. А уж если без подарка кто за рыбой пойдет, то и лодку перевернуть могла или отнести подальше от дома – возвращайся потом на своих двоих и лодку на горбе неси. Около нашей деревни Ключиница разлилась очень широко, берега противоположного вид-

но не было. Только в ясную солнечную погоду можно было разглядеть пики гор, едва различимые на стыке воды и неба.

Бабушка Милослава нам сказки рассказывала, что в тех горах давным-давно поселились боги жестокие и мстительные, стонал под их властью простой люд. И только наши Прародители, Великие Стихии, смогли победить захватчиков. Дальше сказки расходились: кто Мать-Воду прославлял, даруя ей победу в Великой Войне, а кто баял – общими усилиями свергли деспотов. Но только все знали, что Воздух всегда был на стороне злых богов, поселил их в своем доме, делил с ними хлеб. Оттого нет сейчас людей, которые бы ему поклонялись. Но под покровом ночи шепчут – ходят по земле еще дети тех самых жестоких богов и воздушной стихии, и горе тому, кто попадется на их пути.

Я не сразу сообразила, что песни у воды закончились, значит, надо было бежать обратно. Если Матушка подношение мое приняла, то уж Батюшка-Огонь у нас суров. Хочешь-не хочешь, а подойти и поприветствовать его нужно со всей почтительностью, не забывая о традициях. Негоже хозяйке будущей с огнем враждовать. Тут и печь, которую всю жизнь знаешь, обожжет, и банька, ласковая к другим, ошпарит так, что неделю красной ходить будешь. Наскоро умывшись, я поспешила к остальным.

Здесь уже не стала за спинами стоять, проторила себе путь локтями, села рядом с девицами на бревне перед костровищем. Они, бедные, мерзли, из воды выйдя, и недовольно на

меня посматривали. Только подружка моя, Волнинка, улыбнулась и подмигнула. Она, хохотушка, не умела злиться во все. А уж красива была – загляденье! Высокая, ладная, и глаза смешливые на солнышке ярче неба синего сверкали. Не то что мои, на мох болотный похожие. Смотрела я на нее и вздыхала, а уж как братьям своим нахваливала! И не забывала в гости подруженьку звать! А вдруг приглянется кому? Я тогда сестрицу любимую обрету. Но Яромир почему-то не смотрел на Волнину, да и близнецы стороной ее обходили. Я пообижалась на них немного, но кто ж на братьев долго злится? Вздохнула – и оставила попытки с подружкой породниться. Авось братья не хуже жен найдут.

Между тем старейшина наш – Можай, дядька мой по отцу, раскладывал загодя приготовленный хворост и сухие березовые дрова. У него задача сложная была – костер развести с одной лучины, чтобы Прародителя порадовать. В этот год старейшина не оплошал, костерочек сразу бодро разошелся, разгорелся, высоким пламенем в небо взмыл. Всем понятно стало – здесь он, наш Батюшка, не осерчал, пришел на невест полюбоваться. Мы же начали песнь и одна за другой повели хоровод вокруг огня живого, показываясь во всей красе. То подходя совсем близко, чувствуя жар на лице, то поворачиваясь спиной, вглядываясь в сумерки леса.

Обычно пляски продолжались до тех пор, пока Прародитель не насмотрится-налюбуется, да и погаснет, уступая дорогу молодым парням, для которых самое время наступает.

А они уж своего никогда не упустят – похватывают понравившихся девчонок и, хохочущих, утянут за собой – тропки любимые показывать да ночным небом любоваться. По осени и свадьбы начнут играть...

Костер начал спадать, но почему-то не постепенно, как обычно, а резко, будто лучину в темной комнате задули. Не самое лучшее предзнаменование, поэтому и зашептались, зароптали люди за нашими спинами.

На несколько мгновений тьма стала совсем непроглядной, а потом за шиворот, как иголки, побежал морозец, волосы и шея мигом подернулись инеем. Стало очень тихо, я отчетливо услышала, как рядом у Волнины бьется сердце. Быстро-быстро, как у загнанного зверька. Может, мое также билось, не знаю... Только ставшие мокрыми ладони разомкнулись, и наши руки безвольно упали вдоль туловища. Из темноты начали проступать знакомые картины – вот негромко плещется река, вот лес совсем рядом – тянется к нам своими крючковатыми руками.

А на месте пепелища стоял незнакомец. И вроде бы глазу не за что зацепиться, а чувствовалась в нем сила какая-то страшная, чужеродная. И молодой совсем, вёсен двадцать всего отметил. Но лицо суровое, длинное. Нос с горбинкой, жесткая черная борода. И, поди ж ты, кудри смоляные на голове. Девчонкам на зависть.

Первым, как и положено, опомнился старейшина. Подошел ближе, за ним сыновья его встали, оттеснив нас, девчо-

нок, плечами широкими. Они воинскую выправку сразу разглядели, не то что я, нос да кудри разглядывала. А незнакомец вдруг первый заговорил, и видно было, с каким трудом он слова из себя выдавливал:

– Я... – махнул он рукой в сторону Ключиницы. – Оттуда пришел.

– Добро, – кивнул старейшина. – Гостям у нас всегда рады, коли с миром приходят. Праздник у нас сегодня. Подходи, сейчас костры наново зажжем, – засуетился Можай, на сыновей оглядываясь. – Садись рядом, угощайся.

– Погоди приглашать, – проскрипел мужчина. – Я за долгом, моему божественному Предку обещанным. Ныне время подошло, – глянул исподлобья он на нас с Волниной.

– Великая Вода подтверждает мое право, – и он протянул старейшине мокрый венок.

Еле слышно ахнул кто-то в толпе, а по моим плечам опять иглами скользнул мороз.

Несколько мгновений все молча смотрели на этот венок. Я подметила, что он пообтрепался, вон – цветы уже выпадают, видимо, впопыхах плели.

А потом сообразила, кто плел тот венок, и коленки мои подогнулись. Осела я на землю, как куль с мукой, хватая ртом воздух. И уже ни одной мысли в голове не осталось, только страх дикий.

Долг предков. Это что же получается? Я его отдавать пойду? Вот совсем недавно же прыгала по лесу, резвилась, а те-

перь уже, почитай, со светом прощаться пора? А мама? Когда подумала о маме, слезы хлынули из глаз рекой.

Рядом опустилась Волнинка, по голове погладила, и вроде даже полегче стало. Но оглянулась вокруг – и сразу наткнулась на взгляды жалостливые. Сказывала я ранее, что означает веночек девичий в руках чужака. Но ведь ни разу за всю мою жизнь не было такого. Басня просто, которой девчонки пугали друг друга накануне Представления. Как же вышло, что все всерьез?

Глава 2

Ночью в лесу было холодно, несмотря на то, что лето и не думало уступать осени. Мелкий дождик надоедливо проникал сквозь плащ, а ветер, хоть и совсем слабый, заставлял съезживаться под мокрой одеждой и мечтать о теплой печке в родной избе. Ноги по знакомым тропкам ступали быстро, уверенно, след в след за мужчиной. Он не собирался на меня оборачиваться. Кажется, как ушли из деревни, ни разу не посмотрел, иду я следом или нет. А до того и пары слов мне сказал, будто злился за что. Слезы опять начали подступать к глазам, противно скатываясь по кончику носа.

Родители с братьями все-таки пришли на праздник, видно, долго меня ждали. А и надо было тогда из леса сразу домой пойти, ну подумаешь, мать бы полотенцем поддала, да братья подзатыльниками наградили. И сам лес неспроста хулиганил, не пускал меня. Но догадливая я только задним умом.

Хуже нет осознавать, что причинила горе любимым людям. Мне даже не дали подойти к ним, несколько крепких мужиков держали враз постаревшего отца и разъяренных братьев, а мать такую я видела только, когда бабушка умерла... И родителей жалко, а себя – сильнее, но никто не мог пойти против воли Прародителей. Еще помнили древние заветы и силу, с которой нельзя не считаться. Только мнилось

мне – случайность это, пройдет немного времени, и образуется все. Не могли Стихии от меня отказаться, не хуже других я девка.

Прошагав версты две вдоль Ключиницы, мужчина остановился на небольшой полянке, окруженной елками, скинул заплечный мешок и начал собирать ветки для костра. Я некоторое время молча смотрела, потом взялась ему помогать, кажись, не умерла еще, да и не безрукая, в стороне стоять.

Костер разгорался плохо, мокрые ветки шипели, а когда занялись, больше дымили, чем давали тепла. Незнакомец расстелил свой плащ рядом с огнем, завернулся в него и, кажется, уснул. А я притулилась с другой стороны, опершись на еловый ствол, не решаясь лечь на землю. Елочка тут же приобняла меня ветками пушистыми, укрыла от непогоды и холода, утешать начала по-своему. Я взглянула на спутника – видел, нет? Но тот, похоже, спал.

Никогда и никому не рассказывала о том, как с лесом общаюсь. Возможно, мама и догадывалась, когда я маленькая чуть что – бежала во двор, березе жаловалась, но то – детские причуды. Сначала я пыталась объяснить, но кто малявку послушает, я и в Болотного Лешего верила, и про Домового рассказывала. А повзрослев, не стала никому говорить, что лес наш – живой. Да и как сказать, если только я его и слышала.

Так и просидела остаток ночи, иногда задремывая и тут же вскидываясь с непривычки. На рассвете я, видимо, все-

таки уснула крепко, потому что, открыв глаза, увидела уже яркое солнце над головой, а спутника моего рядом не было. Позволила себе пару минут помечтать, что привиделось мне все вчерашнее. Сейчас встану да побегу домой! А потом поднялась, растерла затекшие ноги и сняла тяжелый влажный плащ. Развесила его на ветках. Может, и успеет высохнуть.

Места были знакомые, не раз сюда забредала в поисках ягод. Вспомнила полянку добрую недалеко. И от места ночевки не уйду, не потеряюсь, и земляники на завтрак наберу. Если повезет, то и грибы попадутся. И точно, полянка нашлась там, где я ее видела, небольшая, но усыпанная красными земляничками, шагу некуда ступить. Я наклонилась и ягоду за ягодой в рот стала отправлять, со вчерашнего дня ведь не ела ничего, не хотелось. А одну попробовала – и не остановиться.

Так увлеклась, что заметила зверя, когда он встал в полный рост и солнце мне закрыл. Медведь вышел со стороны леса, тоже решив перекусить. Он стоял надо мной, поводя носом и решая, что делать. Никогда не было такого, чтобы с лесными жителями я не могла договориться. Лучше бы, конечно, вовремя уходить с их пути, но сегодня я его просто не услышала – ни шороха кустов, ни хруста валежника под тяжелыми лапами. А веточки склонившейся над поляной березки тревожно зашептали: «Раздражен... С лесом не знаком... Опасность... Нападёт! Нападёт!» Я осторожно начала пятиться назад на корточках, как и стояла:

– Здравствуй, Хозяин лесной, не обижайся, не хотела я на пути у тебя стоять, – медведь зарычал, а я замерла на месте, но говорить не перестала.

– Я тут землянику нашла, попробуй, не побрезгуй лесным угощением. Солнышко в этом году ласковое было, много ягод в лесу появилось. И дождик не обидел, щедро поил водицей. Земляника крупная, сочная, всем хватит. Ежели мешаю тебе, то пойду своей стороной, – я бормотала и чувствовала, как успокаивается медведь, расслабляется. Опускается вздыбленная холка. Но я знала, на поляне он терпеть меня не будет. И постепенно отходила под защиту деревьев.

Оставалось всего пару шагов сделать, чтобы медведь клыки страшные спрятал. И я даже выдохнула с облегчением, поднимаясь на ноги, думая, насколько все-таки с животными проще, чем с людьми, как мимо моего плеча пролетел блестящий кинжал. А следом и мужчина, оттолкнув меня за спину и обнажив меч, заступил дорогу медведю. Нож царапнул лобастую морду и отскочил на землю. А разъяренный зверь заревел и бросился на нас. Теперь ведь не отпустит, пока не достанет. Либо сам подохнет, либо нас порвет. От страха ноги совсем ватные стали. Я попятилась назад, пока не уперлась спиной в ствол дерева, и замерла.

Медведь был уже не молод – в черной шерсти светилась седина. Он был осторожен, но быстрые и точные удары мечом его раздражали, заставляли раз за разом нападать и напарываться на острие. От тяжелого звериного запаха, к ко-

торому примешивалась кровь, мне стало плохо, и я зажмурилась. Потому и не разглядела страшный замах, не сумела увернуться. Я закричала от боли, полоснувшей по животу, а потом вовсе вокруг всё потемнело и пропало.

«Осинка, Осинка», – шелестящий голос будил и тревожил, что-то надоедливо щекотало нос, и я нехотя открыла глаза. И тут же обрадованно загудел лес вокруг, зашумели веселые елочки:

«Очнулась! Жива!»

С трудом перевернувшись, я охнула и потянулась рукой к правому боку. Ничего хорошего там не было – одежда набрякла от крови, а вдоль ребер шли четыре глубокие раны от когтей. Отметил меня Хозяин лесной.

Животное лежало совсем рядом, жутко закатив глаза. Шерсть на морде слиплась от крови и смердела до дурноты. Цепляясь за траву и кустарник, я отползла к стене деревьев, обрамлявших поляну, прислонилась больным боком к теплomu стволу и закрыла глаза:

– Помоги мне, берёзушка...

И тут же почувствовала отклик, как будто колючие иголочки запустили под кожу. А лес был очень сердит. Так, как сердится житель деревни на приезжего, вздумавшего устанавливать свои порядки на чужом месте. Медведь был здесь своим, как, впрочем, и я. А вот нарушивший устои воин...

Когда в глазах просветлело, тело перестало вздрагивать и

пульсировать, а кровь из глубоких царапин больше не сочилась, я, наконец, решила поискать своего спутника. Не знаю, чего больше боялась увидеть – растерзанное до смерти тело или страшные раны живого человека. И ведь не станет лес помогать чужаку также, как мне. А я не смогу уйти и его бросить. Хотя соблазн был превеликий. Не осудит же меня никто, ежели не узнает.

Это размышляла я долго, на деле же, увидев мужчину, тотчас поспешила к нему. Он лежал на спине, неловко раскинув руки. Но грудь его поднималась и опускалась, и я вздохнула с облегчением. Села рядом, держась за разодранный бок. Как мне помочь? Может, бежать обратно, в деревню? Так я до вечера не обернусь, а как он один?

В беспомощности его лицо было удивительно спокойным, и я даже замерла на несколько секунд, позволив себе полюбоваться плавной линией бровей и совершенно девчоночьими длинными ресницами. Но когда легонько, только кончиками пальцев дотронулась до его щеки, шею тут же коснулся очень холодный и тяжелый меч.

Глава 3

Стоя по колено в Ключинице, я, кляня на чем свет и медведя, и спутника моего, и воду студеную, отстирывала платье от крови. Я еще не сказывала, почему нашей реке дали такое название? Всё дело в ледяных ключах, бивших со дна. Ребятню никогда холод не останавливал от того, чтобы в воду залезть, но мы все равно выбирали более теплые заводи для купания.

Убрав красными, скрюченными от холода руками волосы с лица, я с тоской оглянулась на бережок, где меня ждала еще и заляпанная кровью одежда моего попутчика. На двоих с ним из чистого остались его запасная рубаха да штаны. Штаны просить не стала, благо рубаха закрывала мне колени...

Моя же поддѣва ушла на повязки. С незнания перемотала себе половину туловища, что и вздохнуть не могла, а и за подмогой стыд был обратиться. Виданное ли дело – просить постороннего мужчину перевязывать мне раны, да еще и не лекаря! Хотя он и предлагал помощь.

Отливающий зеленцой Рэнн лежал на плаще в тени деревьев, стараясь не шевелиться. Тогда ведь удача в последний момент от мужчины отвернулась – подсунула под ноги древесный корень, а под голову булыжник, когда медведь уже подышал. И на затылке Рэнна надулась огромная шишка, а под глазами залегли черные круги. Поначалу он все поры-

вался встать, начать помогать мне. Но, по правде, больше мешал. Я же его на себе до берега реки тащила, да так, что и сама чуть рядом не легла. Так что пусть он лучше полежит. Конечно, можно было бы и не волочить его так далеко, оставить на месте нашего ночлега, но разделяться после сегодняшнего не хотелось.

Закончив с платьем, я вышла из воды и, развесив его сушиться на кусте, растянулась на берегу, запутав пальцы в длинной траве. И, как обычно, потянулось ко мне мягкое, родное тепло, отогревая и наполняя силой, которая заискрилась в волосах, вызвала щекотку.

– Аспен, – позвал мой спутник. Это смешное имя было моим, его Рэнн перевел на свой язык, а я и не возражала, мне понравилось.

– Сейчас, – я заставила себя подняться. Положила оставшуюся грязную одежду в Ключиницу и привалила ее тяжелым камнем. Может, течение бурной реки справится само, а мне и останется только выжать да развесить.

Сев рядом с мужчиной, я не смогла не поддеть его:

– А драться не начнешь опять?

– Аспен, – выдохнул он и даже глаза прикрыл. – Я же извинился. Я не хотел тебя пугать, просто...

Он и правда извинялся, пока я сидела рядом с ним, лежащим на месте побоища, икала и пыталась унять слезы, катившиеся градом. А они униматься не хотели совершенно. Весь прошлый день, наверное, выплакивался. Стоило мне огля-

нуться на мертвого зверя, лежавшего от нас шагах в пяти, погибшего безвинно, или на меч, который был уже надежно убран в ножны, и снова начиналась истерика.

Настолько глупой девкой я себя давно не чувствовала, но успокоиться не могла никак. И тогда незнакомец начал говорить. Сначала просто что-то успокаивающее, извинялся за себя да за медведя, все пытался улыбку вызвать, а потом и знакомиться стал, про себя рассказывать. Не заметила я, как понемногу отвечала, оттаивала.

Рэнн был родом с другого берега Ключиницы. Как раз оттуда, где виднелись белые шапки гор. Мне было непонятно, как можно жить в камне, но Элия, родина Рэнна, была, по его словам, прекрасна. В это время года – особенно: подножья гор покрывались густой зеленью, а верхушки сверкали на солнце вечными снегами.

Красиво врал... Как всю жизнь этим занимался да по деревням ходил народ веселить! Но я ведь сразу сообразила, что самое важное он мне так и не расскажет. Например, как в деревне нашей появился, почему Мать-Вода венок ему мой отдала, да и для чего я нужна. Сказал только: идем мы к переправе, где нас ждет драккар его брата, Ройса. Попыталась было я расспросить больше, но Рэнн смолкал, глаза отводил. Может, думалось мне, и не его это тайна вовсе...

– Я там утром, недалеко от места ночлега, силки поставил, – прервал мои мысли мужчина, – может, сходишь, проведаешь? На одних ягодах мы долго не продержимся.

Тяжело ему было на солнечные блики смотреть, мучило страшно. Что ему эти силки, если есть он все равно бы не смог? Пыталась его отваром напоить, заваренным из листьев брусники и травы-кравец, которая в это время года еще не дозревала, но на мою просьбу откликнулась, сразу в руки далась, – отторгнуло нутро Рэнна даже такую малость.

– Если бы дал мне время собраться, с родными попрощаться, – тяжело вздохнула я, – у нас бы и молока, и хлеба вдоволь было, а, может, и сальца, – мой живот громко отозвался на сало, и во рту стало горько от набежавшей слюны. Вот что я за девка, если после всего не сижу, глаза долу опустив, а о животе своем думаю ...

– Ладно, схожу, – я нехотя поднялась. Больше, чем есть, мне хотелось просто полежать, прислонившись подранным боком к земле, а может, и уснуть хоть ненадолго.

Лес встретил меня шуршанием листьев и пением птиц, но недовольство его ощущала всем телом. Он гневался, как опечаленный родитель, и где-то в глубине, в самой чаще, грозно раскачивались кроны многолетних деревьев, передавая мне свое настроение. Не дойдя до места ночлега несколько шагов, я села около своей тетки, осинки, прислонившись к ней спиной, и стала слушать, что же все-таки мне пытались сказать.

Я и раньше пробовала так с лесом говорить, но видела только отрывистые картинки, а иногда и просто яркие пятна. Но сегодня, как только я закрыла глаза, а затылок коснулся

дерева, перед глазами, как наяву, встал наш деревенский общак – берег Ключиницы. Солнце там еще не встало, но и середина ночи была пройдена: я уже могла различить очертания деревьев, а далеко над рекой светлело небо. К остывшему костровищу медленно, понутив голову, вышел высокий худощавый мужчина и сел прямо на влажную от росы траву.

Я сразу заволновалась, как он в мокрых штанах потом до дома добираться думает, но сам мужчина этого, кажется, и не замечал. Попыталась было подойти поближе, но, к удивлению, не смогла сделать ни шажочка. Да и что-то сказать, крикнуть у меня тоже не вышло. Зато мужчина вдруг зло стукнул кулаками по земле и закричал:

– Сестра! Знаю же, что видишь! Не гневи меня!

Я вздрогнула от удивления. Сестра? Он повернулся к воде, и в утреннем свете я смогла рассмотреть длинное худое лицо с нахмуренными кустистыми бровями, скорбную складку у жестких тонких губ и темные волнистые волосы до плеч. Что-то родное и знакомое почудилось, но прежде я его не видала.

А вот кричал он не мне.

Сквозь тишину раннего утра, когда даже птицы еще сладко спят, послышался легкий плеск воды. На берег медленно и величественно вышла совершенно нагая молодая женщина и неожиданно звонко расхохоталась:

– Ты ли, братец дорогой, гневаться удумал? На меня?

Мужчина быстро поднялся, снял с себя рубаху, но подхо-

дить к женщине не спешил. Он как будто залюбовался ею. А была она и вправду необыкновенно хороша и прекрасно это знала. Откинув длинные светлые волосы за спину и смахнув надоедливые капли с лица, она с улыбкой попросила:

– Ну же, Форр, дай уже мне что-нибудь накинуть, холодно.

Сделав несколько шагов, он с силой швырнул ей одежду, а потом резко отвернулся, стиснув кулаки.

Женщина неторопливо надела рубаху, медленно её застегнула, не произнося ни слова, и осторожно подошла, обняла со спины мужчину, которого называла Форром, прижалась к нему лбом.

– И правда гневаешься... Братец, посмотри на меня, али не соскучился, сидя у себя в чаше да с воронами общаясь? – засмеялась опять она, но мужчина не оборачивался.

– Веро, в этот раз ты перешла черту, – он отстранился, а затем со злобой выдохнул. – Как ты могла отдать ее Эйру? Или не знаешь, зачем нашему брату она понадобилась?

– Не преувеличивай, Форр, – мягко и заискивающе ответила женщина, – я не Эйру ее отдала, а слуге его. Много чего в пути случиться может, а я свое обещание сдержала.

– В ней же силы на донышке... – Форр устало обернулся, посмотрел на притихшую Веро. – Своих детей пожалела? Или все Эйру отомстить пытаешься?

Веро дернула плечом:

– Он хотел потомка с частицей нашей крови, я ему его дала. А что силы в ней почти нет, так даже лучше – вернет

обратно, как поймет.

Форр тяжело вздохнул:

– Ты этого не знаешь. И я не знаю, – он опустил голову. – Я помогу девочке, отдам свою полностью, чтобы у нее остался хотя бы шанс на спасение...

Глаза женщины испуганно округлились, она схватила брата за руки и умоляюще заговорила:

– Нет, Форр! Ты же уйдешь за грань! Я не хотела этого! Подожди, – заметалась по берегу Веро. – Мы что-нибудь придумаем! Сейчас я позову наших старших! Файро и Терра что-то посоветуют!

– Что же ты не посоветовалась с ними, когда моим кровным ребенком откупалась? – грубо ответил Форр. – Что же ты, недогадливая, ни с кем не посоветовалась, когда перепутала брата со врагом, втянув в войну всех нас, за что мы до сих пор несем ответ перед людьми?

– Нет, постой, Форр, не будем возвращаться опять к той давней истории. Никто не знает, как теперь все повернется... Мы сможем вмешаться, я явлюсь людям, я снова соберу верных мне...

– Остановись, Веро, хватит за свои ошибки платить чужими жизнями. Я принял решение, – он устало опустился на землю, а потом с надеждой посмотрел на сестру. – Если я хоть немного дорог тебе, не бросай ее одну. Она еще слишком мала, чтобы суметь управиться с моей силой, ей понадобится помощь... Расскажи о девочке остальным, передай

им мои слова.

Женщина присела рядом, прислонилась плечом к плечу мужчины, безмолвно заплакала, уронив голову на руки, и сдавленно прошептала:

– Прости меня, Форр... Я помогу. Я постараюсь...

Глава 4

Силки оказались пустыми, то ли времени мало прошло, то ли зверь умный стал. Я с тоской поплелась обратно к берегу, гадая, сон то был, навеянный усталостью, или лес мне открылся.

Здесь солнце давно клонилось к закату, и за верхушками деревьев его было уже не видно, только отражалось где-то в середине реки оранжевое марево. От голода мне хотелось свернуться клубочком и по-детски поплакать, размазывая слезы по щекам, но жаловаться было некому.

Рэнн все также лежал на своем плаще и спал. Бледное до синевы лицо с черными кругами под глазами даже во сне было напряжено от боли. Намочив руки в Ключинице, я протерла ими лоб мужчины, но казалось, он не заметил моего прикосновения. Ему становилось хуже. Я попыталась влить Рэнну в рот остатки отвара из травы-кравец, но челюсти были упрямо сжаты, и часть целительного варева просто потекла мимо, по щеке. От страха, что он не очнется, я заметалась, не зная, за что схватиться. То ли костер разжечь, то ли воды натаскать, то ли вообще за помощью возвратиться. Вот только в ночи я далеко не уйду, утра ждать нужно.

И перво-наперво я полезла в ледяную воду за одеждой, оставленной там под камнем. Знаю, не самое умное решение – беспокоиться об одежде, когда других проблем целый ку-

зовок, но от своего не отступила. Неловко оскальзываясь на камнях, вошла в студеную реку и, к своей досаде, вещей на месте не обнаружила, видимо, сильное течение все же смогло перевернуть булыжник и утащить мокрые тряпки. Разозлившись, что камень потяжелее сразу не нашла, я задрала рубаху и пошагала по течению. Надеялась, что хоть что-нибудь зацепилось за корягу или за выступающий из воды корень, иначе идти моему спутнику в одних штанах до самого корабля.

Под кронами стало совсем темно, и я, вздохнув, решила повернуть обратно. Только не успела. Нога предательски заскользила по мокрому камню, подогнулась, и ухнула я в воду с головой. И даже не испугалась сперва, я же росла на берегу Ключиницы, поэтому плавать умела хорошо, ну подумаешь, яма, наша Матушка славилась своим беспокойным характером, и ямы на ее дне встречались частенько. Всего и надо – вынырнуть и нащупать в шаге от себя выход на берег. Только вот, как я ни отталкивалась руками и ногами, выплыть не получалось. Страх мгновенно забрался под кожу, заставив выпустить остатки воздуха из груди и бешено забиться в толще воды. А открытые глаза не смогли рассмотреть светлого пятна неба сквозь черную толщу, и я совсем перестала понимать, в какую сторону нужно плыть.

Слышала, другие, на пороге смерти побывавшие, рассказывали, как в последние минуты вспоминали все хорошее в жизни, семью любимую, друзей верных... Я же вспомнила о

том, что даже и не пообедала напоследок, салыца бы с лучком зеленым, с огорода только что сорванным...

И вдохнула воду, совсем проваливаясь в темноту, чтобы тут же очнуться, лежа на спине на очень мягкой густой траве. А кругом надо мной стояли трое. Уже знакомая мне Веро смотрела с осуждением и какой-то затаенной злобой. Я даже заволновалась, с чего она так. Двое других были внимательны и насторожены. Женщина, как и Веро, притягивала взгляд своей красотой, только волосы черные, совсем как у меня! И мужчина привлекал сразу – высокий, большой, а стоило мне повернуть к нему голову, как на его губах зажглась задорная ухмылка, а торчащие в разные стороны кучерявые рыжие вихры стали еще ярче.

– Ну, Веро, необычно ты с новыми родственниками знакомишься, – пророкотал он. Голос у мужчины был необыкновенный – гудящий и низкий. Хотелось, как кошке, жмуриться и греться в этих звуках. Капризная сестричка только дернула плечом и отвернулась, не желая оправдываться.

– Я – Файро, – сказал он мне. – Недавно совсем виделись, на празднике, – захохотал он, и тут же вокруг заискрился воздух, а рыжая шевелюра вспыхнула живым горячим пламенем.

Я села и удивленно округлила глаза:

– Батюшка Огонь?

– Файро, – кивнув, поправил меня мужчина. – И теперь уже не батюшка, а дядюшка, оказывается, – засмеялся-заро-

котал он и продолжил сквозь смех. – А это «матушки» твои – Веро и Терра. Веро вот до сих пор злится на тебя, что ты ей по правилам не представилась, обряд многовековой попра- ла. Чужое своеволие наша Водица плохо переносит.

– Файро, – прикрикнула Веро, – довольно. Ты же знаешь, что дело не в этом. Форр... он ушел из-за нее за грань. И бы- ло бы ради кого. Девчонка... Несобранная, безответствен- ная...

– Замолчи, – спокойно перебила ее до этого тихая Терра. – Не перекладывай вину на этого ребенка, ты знала, кто она, когда отдавала ее потомку Эйра.

Веро тут же поникла, опустила глаза:

– Я не думала, что Форр сделает такой выбор. Что нам теперь делать?

Огонь опустился около меня на колени, погладил по го- лове, от чего мгновенно высохли волосы, и я даже подозри- тельно приняухалась, – не подпалил бы косу мою, а то совсем позор.

– Девонька, – посмотрел прямо в глаза Файро и взял мое лицо в ладони, – сила теперь в тебе большая, сможешь с ней управиться или погубит она – мы не знаем. Но брат наш, Форр, отдал всего себя и ушел за грань. Не подведи Отца своего, не оставь без силы лес вековой, не сможет он без нее... Да и тебе лесная стихия поможет у Эйра во владениях. Помни, ты дочь великого Форра, ты можешь рассчитывать на нашу помощь.

– Да как же я?.. – попыталась было спросить, но тут что-то дернуло из темноты, потянуло, а явь окуталась дымкой.

– Силен, – восторженно загудел Файро, улыбнулась Терра, и последнее, что я увидела, прежде чем меня накрыла темнота, это изумленные глаза Веро, которые смотрели куда-то мне за спину.

Я вновь открыла глаза и тут же согнулась от сильного кашля, дравшего мне горло. Из рта изрыгалась горькая вода, мешая вдохнуть как следует. От недостатка воздуха темнело в глазах и подгибались руки, не в силах меня удержать. Рядом заходил в кашле стоящий на четвереньках Рэнн, который вытащил меня из реки. Я тяжело опустилась на бок и увидела, что вся моя рубаха опять пропиталась кровью. И испугалась – это ведь раны снова открылись.

– Рэнн, – просипела я, чуть отдышавшись, – Как ты?

Он затравленно посмотрел на меня, продолжая кашлять, а потом что-то невнятное прохрипел синими губами и рухнул лицом вниз, в траву.

– Ой, Рэнн, чего ты? – запричитала я, подползая ближе и пытаюсь перевернуть его на спину, – Очнись.

Сил не было совершенно, а тяжелое мокрое тело не поддавалось. Я с трудом поднялась на ноги, вцепилась в мертвенно белую руку и, рыча от натуги, смогла сдвинуть его на бок, а затем и на спину. Рэнн не дышал. Я кулаком стукнула его по груди и стала вдвухать в рот воздух. У самой темным-темно было перед глазами, но останавливаться было нельзя. Мне

давно братья показывали, что делать, когда нужно дыхание запустить. И я, то ругаясь, то умоляя незнамо кого, пыталась снова и снова.

Мир сократился до простых вдохов-выдохов, и я не сразу заметила, как по пальцам, обгоняя друг друга, побежали искорки, погладили ладошки, взобрались по рукам, засветились ярко, опутав меня целиком. Нежное тепло наполнило тело, живым светом разлилось вокруг. Я почувствовала, с какой радостью лес вбирает это сияние. И тут же рядом быстро-быстро начали расти толстые зеленые стебли, обвивая меня и Рэнна.

А потом свечение с рук перекинулось на мужчину, стало заполнять его изнутри, возвращая краски лицу. Стебли обхватывающей его травы налились соком и тускло, уютно засветились. Черты лица Рэнна разгладились, исчезла скорбная складка у губ, а смешные искорки, играясь, побежали по его телу, догоняя друг друга.

Я села на траву рядом, наблюдая за игрой света. Перед глазами все еще прыгали искры, но я увидела, как начала вздыматься грудь мужчины, делая один вдох за другим. И только я расслабленно откинулась на руки, Рэнн вдруг выгнулся дугой, открыл подернутые белой плёнкой, совершенно жуткие глаза и страшно закричал.

От его крика сумасшедший ветер согнул ветки деревьев, окружавших нас, прижал к земле выросшую рядом траву. А стебли, опутавшие его тело, со звоном рвались и опали.

черными ссохшимися крючьями. Я в испуге отшатнулась, и свет вокруг схлопнулся, как будто и не было сейчас ослепительного зарева. Я повалилась на бок и только где-то на границе с тьмой услышала рокочущий смех Файро:

– Ну детки, ну повеселили...

Глава 5

На этот раз глаза открывать уже не хотелось. Очень хорошо было – тепло, удобно, легкий ветерок приятно освежал, а рядом весело журчала вода. Казалось, я парила в воздухе.

И только вспомнив события вчерашнего дня, резко села. А лежала я, оказывается, на подушке мягкой сочной травы, которая росла, повторяя очертания моего тела. Коснулась ее рукой – и как котенка погладила, так льнула и ласкалась она. Счастье и любовь заструились по стебелькам. И вдруг я стала чувствовать себя этими травинками, и вон теми деревьями у самой воды, и даже небольшой рощицей за спиной. А стоило закрыть глаза, как весь наш Великий Лес слился с моими мыслями. Потянулась я в это чувство единения и любви ко всему живому да и начала уплывать, с блаженной улыбкой на лице укладываясь обратно в траву, переплетаясь с ней всем своим существом.

И тут же получила две звонкие затрецины.

– Аспен, что происходит? – сидел передо мной на коленях Рэнн, пока я, насупившись, терла ладонями горящие щеки. Не скупился мой спутник на силушку, если уж затрецина, так по-настоящему, не делая уступки – девка пред тобой или мужик усатый. И всеобщая любовь как-то отступила, не до нее стало, да и единение с миром сосредоточилось только на мне и следах, что оставили ладони парня.

– Откуда ж мне знать, – обиженно отвернулась я. – У меня как раз все хорошо было, пока ты драться не начал.

– Да как хорошо-то, если ты растворяться в траве начала? – он скинул со спины мешок, из которого тут же вытряхнул на землю тушку зайца. – Это вовремя я пришел из леса, а то и не застал бы тебя больше, вся бы под землю ушла, – и вздохнул, посмотрев на свою добычу.

– Все, что удалось поймать, но уж очень я есть хочу, чтобы охотиться еще. Как проснулся, так хоть траву твою жри. Ее здесь теперь всюду почти по колено.

Ох, за зайца я Рэнну все простить могла, но не удержалась:

– С чего вдруг мою-то? – и тут же ойкнула, когда из-под рубахи на землю упал кусок полотна, которым я раны перетягивала, и, если глаза меня не обманывали, ни следа от медвежьих когтей на моей коже больше не осталось. Да ладно когтей! Вот на коленке, помню же, был шрам, которым я втайне гордилась – я тогда единственная девчонка среди мальчишек залезла на вековой дуб у нас в деревне, да распоролла кожу об корягу, когда уже спускалась – теперь же ноги радовали глаз белизной и округлостью. Как раз такие и должны быть у настоящей девушки на выданье. Я, наверное, очень долго глядела на свои голые колени, потому что, подняв взгляд, натолкнулась на сердито смотрящего на меня Рэнна.

Надо сказать, и он выглядел совершенно здоровым. Насколько я понимаю, раны на голове тоже больше не было.

Пропали и синяки под глазами, и слабость. Передо мной опять сидел тот же опасный незнакомец, который, непонятно почему, выглядел удивительно зло. Как, впрочем, и в тот день, когда увел меня из деревни.

– Рэнн, ты чего? – поправляя рубаху и стыдливо пряча ноги, спросила я. – И что это ночью было? Ты помнишь?

– А что было? – буркнул он, отворачиваясь и пряча глаза.

– Ну как? – я растерялась. – Ты же умер сначала, а ветер вдруг этот... и ты здоров, а я... смотри! – я опять подтянула подол вверх. – Смотри, какие стали! И раны тоже! Как и не было!

Рэнн вдохнул и стремительно поднялся:

– Я завтрак приготовлю.

Я тут же вскочила помочь – котелок найти, воды принести, но стоило мне ступить шаг, как подо мной начали прорастать травинки, щекоча кожу, поглаживая и подталкивая ступню. Не успела и моргнуть, как нога утонула в сочной мягкой травке. Испуганно посмотрев на спутника, я присела обратно и попробовала дотронуться до земли уже рукой – и вновь стебельки радостно потянулись к моей ладони, обвивая ее, заползая в рукав.

Рэнн нахмурился, он внимательно следил за моими потугами, склонив голову к плечу, и о чем-то размышлял. А потом оглянулся вокруг и сказал:

– Так ... а если в сапогах? Где твои?

Обернувшись на куст, где вечером развешивала свои ве-

щи, увидела сапоги, которые ставила сохнуть. Рэнн, проследив за взглядом, принес помимо обуви высохшее платье, и отвернулся, давая переодеться.

Скинув надоевшую мужскую рубаху, я с радостью надела свою одежду. Жаль только, платье было местами порвано, да в груди незнамо с чего вдруг стало жать. Натянув же сапоги, я несмело сделала шаг и выдохнула, – в обуви трава не спешила расти под моими ногами.

– Рэнн, – позвала я, – А давай я тебя потрогаю, а? Как это на живых-то работает?

Парень вздрогнул:

– А давай ты сначала что-нибудь другое потрогаешь? Например, вот – зайца, – и любезно придвинул ближе меховую тушку.

Мертвый заяц на мои прикосновения никак не отреагировал, хотя по шерстке кое-где побежали зеленые искорки. Рэнн рисковать не захотел и дотрагиваться до себя не дал:

– Как дойдем до ближайшего поселения, перчатки тебе купим. Сходи пока, воды набери...

К реке я подходила настороженно, помнила, что Веро не очень-то меня жалует, и сталкиваться с ней снова не хотелось. Избегать теперь всех рек и озер – тоже не выход, да и помощь ее мне все-таки понадобится. Если я правильно додумала, то Рэнн меня Эйру повезет, предку своему. Воздуху. А уж коли кроме Форра, силу мне отдавшего, никто из пра-

родителей против этого не был, да и Веро сама меня в подарок преподнесла, то уклониться мне от встречи не удастся. За грань они меня что ли отправить хотят?..

И сила чужая, опять же, требовала пригляда. Не думаю, что сапоги с перчатками надолго меня остановят, как бы не потеряться, не рассеяться, когда ее обуздывать соберусь. Может, с Террой поговорить, поучиться у нее? Но как теперь встретиться, я не представляла. Путь наш пролегал через Ключиницу, несколько дней на корабле, далеко от земли, и только великая Вода кругом. Надо было искать подход к Веро, как бы нам обеим не было тошно друг от друга.

У самой воды, на бережку, как будто в насмешку надо мной лежала одежда Рэнна, которую я вчера так неуклюже потеряла в реке. Наверное, подарочек от Веро, да и в самом деле, на что ей эти тряпки мокрые...

Я с наслаждением умылась студеной водой, провела рукой по волосам и не узнала косу свою. Перекинула чернявую на плечо да расплела. Может, трава в ней застряла, вросла, как выюнок, так, что стала теперь коса толщиной с кулак, и не мой, а мужика здорового? Но нет, травы в волосах не было, да и цвет прежний остался, зеленые искры не оставили следа, но теперь девки из деревни не смотрели бы на меня, заморыша, с жалостью, а может, и завидовал бы кто...

Кажется, сила лесная начала менять глупую девчонку под себя, строить новое вместилище, достойное. Хотя я не против, если стану хоть немного походить на Веро с Террой...

Краше их еще не встречала! Жаль, зеркала не было, а в воде отражение свое все никак разглядеть не могла, бурный поток поднимал со дна ил и нес его дальше, закручивая в спирали.

Найдя место почище, я набрала котелок воды и понесла его к костру, который уже всюду разгорелся. Рэнн сидел рядом, споро потроша зайца, и опять совсем на меня не смотрел, да и разговаривать не спешил. Все как в первый день, когда вел меня по лесу.

Ну так и я не стала навязываться, поставила на огонь воду и решила травки поискать для жаркого, а может, и грибы попадутся. Но сначала села подальше от своего спутника, повернулась к нему спиной и дотронулась рукой до земли, изо всех сил представляя, как увеличивается под землей грибница, пробиваются на поверхность маленькие грибочки, наливаются соками земными и растут, растут навстречу моим ладоням. На деле же кроме обычного сорняка да выюнка, обвившего до локтей, ничего и не появилось. Насупившись, я грубо сорвала с рук растения и пошла в лес, по старинке надеясь на свои глаза.

– Аспен, – догнал меня крик Рэнна. – Будь осторожна и не отходи далеко!

Самому важному я уже научилась у Веро – не оборачиваясь, дернула плечом. И, ничего не ответив, вошла в лес.

Сразу почувствовала себя дома, среди своих, где меня ждут, пришлым людям не отдадут и защитят, если понадобится. Но Лес тосковал, грустил по Отцу. Форра здесь люби-

ли, он был и наставником, и другом. Я же, Осинка, до дерева еще не доросла, меня воспитывать надо и помогать, а я буду очень стараться...

Сейчас напрямую общаться с Лесом, как прошлым утром, не решилась, очень уж устала от случившегося за несколько дней.

Но стоило только мысленно попросить, как белые и подберезовики уже показывали свои шляпки, не скрывались. За несколько минут я набрала полный подол ароматно пахнущих, тяжеленьких грибочков и поспешила к костру – одуряюще вкусный запах из котелка всюду витал в воздухе.

Наскоро почистив грибы, скинула их в тушащееся мясо и, глотая слюну, принялась помешивать, благо у Рэнна помимо котелка имелась и одна деревянная ложка. Ну, что одна, это конечно, неудобно, но мне было уже всё равно, лишь бы поесть.

Глава 6

Дорога через лес в сторону переправы, по словам Рэнна, была короче, нежели идти вдоль Ключиницы, а я не спорила, мне было все равно. На день раньше или позже я попаду к Эйру во владения, не имело значения.

Мне хотелось уйти вглубь леса, я чувствовала, что меня там ждут. Редкие деревья на границе владений реки тянулись ко мне, и через них я ощущала общую радость и толику нетерпения. Теперь стало легче слышать деревья, я ловила не только настроение, но и образы. Моей силе очень нужен был лес, как и лесу – я со своей силой.

Рэнн сомневался, какую дорогу выбрать, все-таки путь вдоль реки был более натоптан, деревни встречались, где и еды купить можно было, а если повезет – то и лодку раздобыть. Другое дело, что Рэнн на этом берегу Ключиницы был пришлым, и если уж наш староста встретил его настороженно, то жители деревенек поменьше могли убояться, затаиться, пока мы мимо идем. А вдруг и напасть скопом? Не только наши мужики могли распознать в Рэнне опасность.

Пока я после завтрака намывала котелок, мой спутник сидел над картой, которую достал из мешка, и размышлял. И чуяло сердце, что в лес он все-таки не собирался, настораживало его, а может, и вовсе пугало мое с деревьями единение. Не уверен был Рэнн, что сможет довести меня до корабля,

если двинется в чашу.

Пока ели, все время ловила на себе его взгляды и начала переживать. Наши дружеские разговоры опять сменило холодное и отчужденное молчание. Мне было не по себе: что-то этот мужчина решал для себя и, надо думать, не в мою пользу.

Я подошла и села против Рэнна, стараясь не касаться руками земли, потому что трава на берегу уже мешала проходу и, если уж совсем откровенно, начала раздражать неимоверно. Вот живешь ты семнадцать лет, горя не знаешь, а теперь – то не трогай, сюда не ступай, незнакомца теперь почитай и слушайся. А рассердиться можно было только на эту вот траву надоедливую, которой только дай возможность – всю меня обовьет.

Рэнн несколько мгновений смотрел на мои терзания, а потом потрянул головой, поднялся и глянул в сторону реки:

– Через несколько дней с большой воды придет буря, ее вестники уже повсюду. Слышишь? – и он закрыл глаза, не просто прислушиваясь, а даже принюхиваясь к чему-то, мне недоступному.

Я зажмурилась, и море ощущений разом накрыло меня: лес позади звал к себе, ивушки у воды искали солнце, которое вот-вот должно было выйти из-за крон деревьев и прогреть берег, и только на самой границе лесного гомона, где-то пока очень далеко, я услышала ураган – ветвигнулись безжалостным ветром, зеленый молодняк выворачивало с кор-

нем. Кричали и стонали сотни деревьев, сломанных страшным смерчем. Я вздрогнула – не хотелось бы вставать на пути этой бури. Не пожалеет она и нас.

Редко бывали в нашей стороне ураганы, но если уж случались, то всем миром опраивались после разрушений. Сказывали, еще до моего рождения такой смерч пришел, что деревню нашу разобрал по бревнышкам. Много тогда людей пропало, да и отстраивались заново годы, живя в земляных пещерах, которые вырыли в лесу в надежде спастись. С тех пор не приходила больше такая беда, но эти пещерки мы берегли, оберегали от обвалов, обновляли.

Пока стояла с закрытыми глазами, Рэнн уже собрал наши вещи и затапывал костер. Я хмыкнула, но смолчала. Мы костер никогда не топчем, заливаем водицей или даем затухнуть самому. Иначе гневается батюшка Огонь, сердится. Но, видно, Рэнну было все равно.

– Пойдем берегом, пока сможем, – обронил он.

И опять я шла следом, видя перед собой только его спину. Попытавшись вначале завести разговор, я поняла, что это дело безнадежное. Благо впереди уже маячила первая деревня, в которой можно было пополнить запасы еды и купить перчатки. А спутник мой решил убрать меч в мешок, чтобы не привлекать ненужного внимания.

Торга здесь не было, но старенькая бабушка, которую мы нагнали по дороге, посоветовала обратиться к кузнечихе. Дескать, она из кожи много мастерила на продажу и сейчас го-

товила товар к большой ярмарке. Пока Рэнн узнавал дорогу, я уже вошла в деревню: не терпелось встретить людей. Кажется, за несколько дней после ухода из дома не видела ни одного нормального человеческого лица. Только Рэнново горбоносое, чужеземное. Да божественные лики прародителей, которых с людьми сравнивать, что дуб вековой – с кустиком чахлым.

С отцом и братьями я сюда несколько раз ездила, деревенька называлась Приключиной. Рэнн догнал меня уже у дома местного старосты. Богатое убранство так и притягивало взгляд: позволить себе резные ставни мог разве что настоящий мастер или же торговец, заработавший на этакую красоту. Не знаю, что не поделили наши мужики и глава Приключины, но папа его иначе как проходимцем звал, иногда еще – повесой и мздоимцем. Говорил, что управы на того нет... Запугал деревенских сыновьями да их дружками и творит, что хочет.

– Нам к берегу надо, дом кузнеца на отшибе стоит, почти у самой воды, – Рэнн остановился около меня и тоже стал рассматривать дом, хотя за высоким забором особо ничего и не видно было. – А мастерская жены его рядом.

Но если на одну любопытную девку внимания не обратили, то после появления парня из ворот показался крепкий вихрастый здоровяк, поигрывая мускулами. А потом и вовсе уставился на нас: дескать, чего надо. И Рэнн, смерив охранника взглядом из-под бровей, потянул меня в сторону.

Мастерскую кузнечихи нашли быстро. Около самой воды других построек не было – не хотели люди близко селиться к нашей своевольной Матушке. Женщина, встретившая нас на пороге, фигурой не сильно отличалась от Рэнна, я ей была по грудь, но к дородной фигуре прилагался на удивление покладистый нрав. Селена, так ее звали, не стала спрашивать, кто мы да откуда, а провела в мастерскую и выложила на стол несколько пар добротных перчаток, правда, на мою руку нашлись только одни, детские, сделанные на пробу.

Торговаться с Селеной Рэнн предоставил мне, сам же нетерпеливо поглядывал на дверь да переминался с ноги на ногу. Сговорившись наконец о цене, я с удовольствием примерила покупку, подмечая, как искусно была выделана кожа, что совсем не ощущалась на руке и не стесняла движений. Рэнн все также молча отсчитал необходимую сумму, и, поблагодарив женщину, мы вышли на улицу.

– Тааак, одно дело мы сделали, – я довольно рассматривала свои руки и делала вид, что не замечаю, как мужчина внимательно оглядывает окрестности и хмурится. – Теперь нам бы еще еды прикупить. Давай в тот дом постучимся, – показала я на ближайшее к нам хозяйство. – Кажется, они не бедствуют, вон во дворе – и гуси, и утки, может, и продадут что.

– Ты зайди сама, я у забора покараулю, – Рэнн вытащил из сумки несколько монет и высыпал их мне на ладонь.

Постучавшись и войдя в избу, нашла там только пожилую

женщину, которая нянчила троих внуков. Она, услышав мою просьбу, завернула в полотенце кусок засоленной говядины, краюху хлеба да немного сыра. А потом завозилась у большого сундука в углу:

– Девонька, на-ка, возьми, невестки моей рубашка да платье, – разложила передо мной одежду старушка – Все не новое, но добротное. Ты уж не обижайся, но стыд девке в рванье-то ходить.

– Вот спасибо, бабушка! – я тут же принялась переодеваться. Очень кстати был подарок: путь предстоял долгий, а платье мое, медведем подранное, уже совсем на ладан дышало.

Пока я примеряла обновки, домочадцы столпились у окна – со стороны улицы слышался гул голосов.

– Что там? – одергивая платье, подошла я к остальным.

– Бабушка Манола, это, кажись, староста наш, Требор, с сыновьями своими, – не отрывая носа от окна, произнесла бойкая тощая девчонка. – Только ведь мамка-то наша в этом месяце уже заплатила налог, да и на той неделе ходила к старосте улаживать дела ...

Манола шикнула на внучку, но та не заметила бабушкиного предупреждения и продолжала рассказывать уже мне:

– Как батя наш о прошлом годе в лесу запропал, так начал к нам старостин сын ходить, помощь все предлагал. Мамка-то поначалу отказывалась, сама пыталась нас троих да бабушку поднять, а потом разом подохла вся животина, и уро-

жай кто-то потоптал... Вот и пошла мамка к старосте на поклон, сына его обхаживать да обстирывать.

Слушать, как по-хозяйски шестилетняя девчонка рассказывает о таких вещах, было дико, но, посмотрев на Манола, я увидела, что та только вздохнула да отвернулась. Видать, порядки такие в деревне не первый год существовали.

В нашей-то деревне никто никогда не насильничал. Если оставалась какая молодуха вдовой, то помогали ей всей улицей, не давали пропасть. Соседи что вторая семья были. А если приглянется женщина какому молодцу, то и сватать ее иди к соседям, а они уж посмотрят: достоин ли, будет ли заботиться да любить вдовицу, не обидит ли...

– Спасибо, бабушка Манола, – я положила на край стола монетки, взяла сверток с едой да поклонилась в пояс. – Пойду я.

– погоди, доченька, – Манола заволновалась. – Давай я тебя простоквашей напою, посидим, поговорим, а как спокойнее за околицей станет – пойдешь себе. Ты девчонка ладная, нечего на глаза этим бесстыдникам попадаться, не помнят они заветов предков, не чтут законов. Староста наш, Требор, сам теперь закон, – глаза старой женщины наполнились слезами. Я подошла и обняла ее крепко:

– Спутник мой там один, не могу его оставить. Спасибо за доброту да за участие ваше. Я отстранилась и добавила:

– Пусть урожай у вас всегда будет богатый, чтобы голода не знать, а коли в лес войдете, будет он щедро с вами дарами

своими делиться.

А потом, погладив по голове детей, я вышла на улицу.

Глава 7

Не успела я подойти к высокой калитке, чтобы тихонько выглянуть да подсмотреть, что творится, как она распахнулась, и огромная рука, ухватив за косу, выволокла меня на улицу, совсем не замечая неумелых попыток освободиться. Рука принадлежала тому высокому охраннику, которого мы с Рэнном видели у дома старосты, и сейчас он совсем не был таким миролюбивым. Что здесь случилось, пока меня не было?

За забором, окруженный четырьмя местными мужиками, стоял Рэнн. И на их фоне смотрелся тростинкой среди дубов. Здоровяк подтащил меня к ним и, приподняв за волосы, отчего носки моих сапог еле касались земли, сказал, как сплюнул:

– Вот, девка его, вместе пришли, вместе пусть и платят.

– Девчонку отпусти, – глядя на моего обидчика, ответил Рэнн.

Мужики вокруг загоготали, заглумились:

– Он тут еще командовать вздумал, тебе сказано, проход через деревню денег стоит.

– Плати давай 10 золотых, – ткнул палкой в ребра Рэнна усатый пожилой мужчина, в котором я узнала старосту. Рэнн тычка как будто и не заметил.

– Или девку свою оставляй, – сально ухмыльнулся стоя-

щий ближе всего ко мне светловолосый курносый парень. И ведь красивый. Был бы, коли паскудную улыбку с лица стер.

Я испуганно ахнула, 10 золотых – это ж огромные деньги. Откуда у Рэнна столько? Да и с чего вдруг дань такая разбойничья посреди дня?

Требор недовольно посмотрел на сына, а кто ж это еще мог быть, коли все тут они похожи были, как грибы с одного пня. А потом перевел взгляд на меня и замер:

– Ну-ка, Милх, покажи-ка свою добычу, – охранник отпустил волосы, чтобы, порвав завязки на плаще, сдернуть его и бросить на землю, прямо в грязь. Вот бессовестный, опять мне в ледяную реку лезть, стирать, а плащ ведь тяжеленный в воде становится, сколько времени с ним провожусь...

И тут еще грубая рука дернула посильнее за косу, что аж в носу защипало и слезы выступили, и распалась коса по волоску, один к одному. Это она, безобразница, всегда умела делать – плетешь ее, непослушную, вяжешь тесьму крепкую, а чуть ослабнет лента – и плети заново...

– Моя, – прорычал давнишний белобрысый охальник, старостин сын. – Никому не отдам, моя будет! – и полез ко мне, отпихивая со своего пути Милха, больно вывернувшего мне локоть так, что и не дернуться было.

– Погодь, Колин, – остановил его голос отца, – Сначала с этим разберемся, – кивнул он на моего спутника, – а потом и до девчонки дойдем.

А Рэнн, казалось, был совершенно спокоен. Если б губы

не были сжаты в одну тонкую линию, я бы подумала, что все равно ему.

– Мне она тоже приглянулась, потешусь, поиграюсь, потом твоя очередь наступит, коли мне надоест, – с гнусным смешком продолжил Требор.

Я только и успела, что изумленно посмотреть на старосту – ведь в годах мужик, а все туда же! Как вдруг оказалась за спиной Рэнна, а Милх с перебитой рукой валялся в паре шагов от нас. Несколько долгих секунд все молча смотрели на пытающегося подняться здоровяка. Кажется, до Рэнна не попадались ему еще соперники посерьезнее деревенских мужиков, об которых кулаки можно почесать.

– Вирт, Нэль, – вдруг завизжал Колин, что я вздрогнула, – Держите его!

Сам же схватил за рукав ближайшего к нему дружка и толкнул в нашу сторону. Я скривила рот. Привык командовать, ручки белые не запачкав.

Милх в это время поднялся, неловко прижимая к животу углом вывернутую конечность, выхватил другой рукой из-за пояса длинный нож и, не дожидаясь помощи братьев, побежал на нас. На красном от гнева лице вздулись вены, а глаза налились кровью, как у быка в период гона. Казалось, сметет нас, как пушинок. Но до меня он не добрался. Я и не поняла, что случилось, не смогла уследить за Рэнном, – он вроде бы пошел навстречу, а потом даже немного наклонился, но Милх вдруг, выронив нож и пробежав еще несколько ша-

гов, упал лицом в ту же грязь, где валялся мой плащ. Теперь и вторая его рука поломанным крылом топорщилась из-за спины.

Колин замолчал, понял, поди, что не простой деревенщина на пути попался. Глаза его забегали с меня на валяющегося Милха, но и отступить от своего он не хотел, не привык, наверное, что добыча сопротивляться может.

Переглянувшись между собой, мужики, достав ножи, начали обходить нас со всех сторон, пытаясь взять в круг. Из-за околиц вдоль улицы стали выглядывать встревоженные жители, но вмешиваться никто не решался – заступишься сегодня за человека прохожего, а потом свои же со свету сживут. Мы-то уйдем дальше, а им со старостой жить еще. Но втихаря, видно, надеялись, что хоть кто-то старостиным сыновьям бока начистит.

Рэнн даже оборачиваться не стал, одним движением вытащив меч из мешка, направил острие на стоящего перед ним Требора. Вот и стоило прятать меч от деревенских, если все равно в драку полез. Мешок следом за Милхом отправился в грязь. А я тяжело вздохнула: ну вот же, с другой стороны – травка сухая...

Требор не был бы старостой, если бы не умел вовремя договориться. Он, цыкнув на сыновей, неторопливо убрал нож и, покосившись на меня, обратился к Рэнну:

– Ну что ж ты, милый человек, шуток не понимаешь, сразу калечить, – кивнул он на лежащего Милха. – Мы люди

веселые, розыгрыши любим, а ты за меч хвататься.

Вирт с Нэлем в это время подняли застонавшего брата с земли и потащили в сторону дома. А соседи, выглянувшие было понаблюдать за дракой, сразу попрятались. Как еще староста оторвется на тех, кто позор его видел?

Рэнн не торопился прятать меч, он смотрел на старостиного младшенького, Колина, который, насупившись, не спускал с меня глаз, а рука его плясала на рукояти ножа, уже убранного за пояс.

Требор проследил за взглядом моего спутника, кивком подозвал сына и попрощался:

– Ступайте себе поздорову из моей деревни.

Захотелось мне ответить, по какому такому праву деревня-то вдруг твоя, если это люди тебя над собой поставили, но вовремя сумела язык прикусить. И так уже наделали шума. Надо забирать свои вещи и уходить, а то вдруг еще какие сыновья у старосты найдутся или друзья их закадычные.

После их ухода Рэнн убрал меч, но уже не в мешок – вложил оружие в ножны и повесил на пояс. А я сначала подошла к воротам бабушки Манолы, возле которых валялся на земле сверток с продуктами, благо они не высыпались на землю, остались в тряпице лежать, а потом уже и плащ с мешком принялась из грязи доставать. И ведь специально кто-то наступил еще сверху, будто мало его испачкали.

– Рэнн, может, все-таки в лес? – позвала я, когда мы уже

несколько часов не шли – почти бежали вдоль Ключиницы, стараясь как можно быстрее от деревни убраться. Видимо, про дружков Рэнн подумал тоже.

– Сколько сможем – берегом пойдем, – через плечо ответил мне парень, не снижая темпа.

Я от этой гонки уже порядком устала, тем более что и погода начала портиться. Буря была близко. Вот если бы меня кто спросил, я бы ответила, что переждать нужно подальше от реки. Зайти поглубже в лес и найти там спокойное место. Потому что Ключиница во время урагана превращалась в бешеный грязный поток, который выходил из берегов и топил все, что попадалось на пути. Но меня никто не спрашивал, и я молчала.

Пока спешила за Рэнном, ужаснулась – ведь я теперь его собственность! Буду бежать за ним, куда укажет. Пока сам не отпустит, а он не сможет... Воля прародителя.

Какую судьбу мне выбрал находящийся за гранью Эйр, я не могла даже представить. Слезам вторили тяжелые редкие капли, падающие с неба. Непогода нас догоняла, и Рэнн наконец-то свернул к лесу.

Глава 8

Пока пробирались сквозь молодняк, углубляясь в чащу, ветер с дождем, набирая силу, бил нам в спину. Но стоило зайти дальше в лес, как вековые огромные деревья прикрыли от бури. Здесь было пока удивительно тихо и торжественно. Я понимала, что долго эта тишина не продлится, и деревья не смогут остановить ураган, но немного сдержать его, замедлить, пожалуй, получится.

– Ты знаешь эти места? – обернулся ко мне Рэнн. – Слишком быстро дошла сюда непогода, надо найти укрытие.

– Здесь не была, далековато от дома, – пытаюсь успокоить дыхание, ответила я. – Подожди... Я спрошу.

Казалось, Рэнн даже не удивился, когда я прислонилась лбом к стволу ближайшего дерева и закрыла глаза, пытаюсь позвать лес так, как получалось раньше. И когда отстранилась, он без расспросов пошел за мной в чащу. Откуда я знала направление, сама не берусь гадать, но подошли к раскидистой елочке мы очень вовремя, бешеный ветер начал угрожающе раскачивать кроны высоких деревьев, а дождь полил с такой силой, что даже под плащом одежда мигом промокла.

А вот под елкой было очень уютно, старая сухая хвоя лежала толстым слоем, спасая от холода. И широкие густые лапы, опускающиеся до земли, закрывали нас от ливня. Мы с Рэнном прижались спинами к теплому стволу, вкусно пахну-

щему смолой. А как на лес в полную силу обрушился ураган, я придвинулась к мужчине, коснувшись его бока и коленей.

На улице резко потемнело. Иногда всё озарялось всполохами света, и следом раздавался оглушительный грохот, небеса над нами рвались и стонали. Под елкой стало совсем темно, и мне в первый раз после ухода из дома захотелось обратиться к Прародителям, попросить у них защиты.

Рядом с нами, в нескольких шагах от елочки, ветер повалил высокое дерево, и меня пронзила чужая боль, словно это я росла навстречу солнышку, нежилаясь в его лучах, и это меня, такую сильную и высокую, сломали. Будто игрушку, смеясь, бросили на землю. Смерч не жалел никого, и лес боялся. Чужая паника накрывала с головой, хотелось вырваться на свет и бежать подальше от грозы, подальше от злой силы, прочь от смерти. Наверное, я все-таки пыталась вылезти под дождь, потому что, вынырнув из чужих чувств, обнаружила себя в объятиях Рэнна, он с силой прижимал меня к груди и шептал в темноте что-то успокаивающее. Это было настолько невероятным после долгого злого молчания, что несколько мгновений я прислушивалась, не пытаюсь освободиться.

Высоко в небе опять что-то затрещало и засветилось. Первобытный ужас затопил с головой, выбивая воздух из груди. Я начала всхлипывать и вырываться, пытаюсь сделать хоть вдох, а снаружи мне вторил ураган, с оглушительным гудением кружа вокруг. Не мог он сломать наше укрытие, как ни пытался, елочка дрожала и гнулась, но пока держала удар.

Я же боролась с темнотой и своим страхом, со своим горем, боролась с незнакомым мужчиной, волей Прародителей ставшим мне хозяином, боролась с судьбой. Боролась, пока чужие холодные губы не накрыли мои, пока чужие руки не прижали крепко к груди, не запутались в волосах, не погладили мягко по напряженной спине, и я вдохнула живительный воздух, свежий, словно ветер в зимнее утро, и пила его, что было сил.

Теперь ураган был уже внутри меня, он выл, кружил и стремился наружу, я пыталась его как-то обуздать, присмирить, но Рэнн не отпускал, и его дыхание смешивалось с моим, добавляя буре новой силы. Пока я не поняла, что больше не могу сопротивляться.

Ветер заполнил меня полностью, и собственная сила взбунтовалась, она рвалась навстречу – остановить его, вытолкнуть. Я захлебывалась в ощущениях. Они боролись, разрывая изнутри, а Рэнн еще крепче прижимал к себе, не давая опомниться и осознать.

Лесная стихия рывком устремилась наружу, вытесняя и отгоняя чуждый ветер. Рэнна волной снесло в сторону, выкинуло из укрытия под дождь, а на границе забвения я увидела полыхающий свет, заревом расходящийся от меня, разгоняющий злые тучи над лесом, и впитывающийся в каждое дерево, каждый кустик, каждую травинку, попадающуюся на его пути.

Не знаю, сколько я пролежала с зажмуренными глазами. Было тихо. Изредка еще раздавались где-то далеко раскаты грома, и мягко шелестела листва под мелким морозящим дождиком, но свиста и гула, от которых закладывало уши, не было.

Я услышала легкие шаги рядом, но не захотела смотреть. Я злилась. Сильно злилась на Рэнна за этот поцелуй. И совершенно не понимала, как теперь себя вести. Только подошел ко мне не Рэнн. Когда щеки коснулась рука, я открыла глаза и увидела рядом Терру. И не было в ее взгляде безмятежности и давнишнего спокойствия, Земля была встревожена:

– Поднимайся скорее, ты нужна Кайле.

– Кому? – немного опешив, переспросила я, вылезая из-под елки на мокрую траву. Встав на ноги, увидела лежащего в нескольких шагах Рэнна, видимо, хорошо его приложило о ствол упавшей сосенки, потому что он не шевелился. Я дернулась помочь, но Терра взяла за руку, повела за собой:

– Сейчас время для нас течет по-разному, он очнется позднее.

И добавила:

– Кайла – это верная подруга Форра, она сильно пострадала во время бури. У меня не получается ей помочь.

И я побежала вслед за Террой сквозь лес, обратно в сторону реки. Ураган хорошо покуражился здесь, не знаю уж, как наше укрытие устояло – повсюду валялись сломанные

деревья, местами приходилось обходить завалы, которых не было ранее, но сейчас лес будто замер, не слышно было ни криков животных, ни щебетания птиц. Даже мелкий нудный дождь прекратился, и ни один листик, ни одна травинка не колыхнулись от ветра. Терра не давала мне осмотреться, вела вперед, как будто и не замечая общего молчания.

Мы подошли к огромному валуну, лежащему наполовину в воде. Река рядом тоже была удивительно спокойна и величественна, только разгромленный берег, заваленный грязью, ветками и камнями, напоминал о безумстве стихии.

– Осина, подойди сюда, – привлекла мое внимание Прародительница. Она склонилась над огромной волчицей. Морда зверя была на земле, а вот задние лапы скрывались под водой, придавленные большим камнем. Терра погладила мокрый нос, а Кайла, приоткрыв глаза, высунула сухой язык и тяжело задышала.

Я с опаской приблизилась к раненому животному. Казалось, волчица и не заметила меня, она только подвывала и скидывалась, пытаясь выбраться.

– Сейчас я уберу камень, – сказала Терра. – А тебе надо позвать свою силу и попытаться спасти Кайлу. Она – дитя леса, она откликнется ... Обязательно ...

– Хорошо, только я не знаю, как ... не умею, – я подошла к волчице, села перед ней на колени, опустила руки на мягкие серые уши. Кайла взвизгнула совсем как щенок и принялась лизать мне пальцы, пытаясь подняться снова и снова. В во-

де рядом разливалось алое кровавое пятно, а я заплакала от жалости.

– Загляни внутрь себя, – зашептала Терра. – Почувствуй яркий теплый шар в своем животе... и дай ему соскользнуть с рук... Думай о том, что хочешь помочь. Прародительница присела рядом. Еще раз погладила волчицу, а затем вошла в воду, коснувшись камня обеими руками:

– Я подниму камень, а у тебя не больше пары мгновений, надолго время мне не замедлить, постарайся... Осинка, очень тебя прошу, постарайся!

Тяжеленный камень начал двигаться под руками женщины, и волчица забилась, жалобно визжа и пытаясь выбраться. Я потянула ее на себя, Кайла взвыла и обмякла. Вытащив животное из воды, я увидела большую кровотокающую рану на животе и переломанные задние лапы. Рядом опустилась Терра, поставила ладони рядом с моими, и заструилось с ее пальцев тепло, останавливая кровь, заживляя рану. Но Кайла не очнулась. Я попыталась найти у себя внутри тот яркий шар, о котором говорила Земля, но ничего не смогла почувствовать. Стянула ненужные перчатки, но сила во мне только набиралась после всплеска, зарождалась. Я чувствовала лишь небольшие искры, скользящие с моих пальцев на шерсть животного, но этого было недостаточно.

Терра рядом со мной опустила руки:

– Все... она ушла.

Я не сразу поняла, что это значит, продолжая по круп-

цам вливать в Кайлу свой дар. А время снова побежало, как должно. Резко поднялся жуткий гвалт: река как с цепи сорвалась, понеслась вперед, как будто не была так спокойна несколько мгновений назад. С неба посыпался мелкий морозящий дождь, а деревья завывали, застонали, приходя в себя после разрушительного урагана. Терры рядом уже не было, только мертвое животное бесформенным кулем лежало у ног.

И тут же со стороны кустов раздалось отчаянное тьяканье, а на берег выскочил взъерошенный черный комок. Он, визжа и лая, добежал до Кайлы и стал тыкаться носом в морду волчицы, скуля и облизывая мокрую шерсть.

Глава 9

Путь обратно занял гораздо больше времени. Я шла, прижимая к груди завернутого в плащ волчонка, который тяжело переживал расставание с матерью. Тогда на берегу, когда он понял, что Кайла не отзывается, просто лег подле нее, закрыл глаза и приготовился пойти следом, за грань. Он не обращал на меня никакого внимания: ни когда я села рядом и начала его гладить, ни когда подняла на руки, укутала плащом. Волчонок жмурил глаза и подвывал, но не вырывался.

Что делать с ним дальше, я не придумала. Разберусь потом. Мой спутник сидел на мокром дереве, обхватив голову руками, и вскинулся, увидев меня:

– Аспен! – замолчал, видно нечего было мне сказать. А и я обсуждать прошедшее не хотела. Подошла, опустилась рядом, да и показала свою находку. Щенок пригрелся в плаще, уснул и смешно дергал лапками. Рэнн вздохнул:

– Он дикий совсем. Куда его?

– Мамка погибла, не смогла я его там оставить, – прижала я кулек к груди и добавила, – сама за ним следить буду, ты не думай.

Наверное, Рэнн чувствовал себя виноватым – он больше ничего не сказал, только еще раз вздохнул:

– До корабля нам два дня пути, если быстро шагать. Сейчас уже темнеет, переночуем здесь, под елкой. А утром дви-

немся.

Я исподлобья посмотрела на него, но Рэнн отвел взгляд:
– Я здесь, снаружи покараулю, мало ли кто после урагана выползет.

Найти сухой валежник, чтобы разжечь костер, не получилось. Поломанные ветки валялись повсюду, нескоро еще местные деревья оправятся после бури, но дождь, продолжающийся до сих пор, всё изрядно промочил. Я походила, искала вокруг, так и держа Волчка на руках, но вернулась ни с чем. Рэнн пробовал жечь сухую хвою, устилавшую землю под елочкой, но выходило у него плохо, не хотел разгораться огонь.

Поэтому, не став ждать, я достала из сумки сверток с едой, и всухомятку мы поужинали. Волчок воротил свой маленький черный нос и от хлеба, и от сыра, и даже от мяса. Я волновалась, но помочь здесь могло только время. И я потихоньку делилась своей силой со щенком, как учила меня Терра, по капельке передавая ее мохнатому.

Наступившее утро было хмурым и дождливым, не хотела непогода уходить из этих мест. Я мерзла всё время, свернувшись клубком под елкой и прижав к себе волчонка. Несколько раз порывалась выползти из своего укрытия и позвать Рэнна, уж больно жалко его становилось, когда представляла, что он целую ночь под дождем. Но потом успокаивала себя: не я это – девчонка домашняя, воин он, к непогоде привычный, так чего его жалеть?

– Прости, Волчок, но плащ я забираю, самой нужен, – я оделась, и сразу веселее стало, правда, щенок все также отказывался двигаться, но у него по крайней мере своя шуба теплая, густая, не замерзнет. Я вздохнула, представив, как тяжело будет идти через бурелом два дня, да с лишним грузом, и вылезла под дождь.

Рэнн сидел, прислонившись спиной к дереву, и спал. Я хмыкнула – хорош караульщик, но потом рассудила, что мне это только на руку, успею и умыться сходить, и в кусты ближайšie наведаться, не придется мне объяснять, зачем да почему, и мучительно краснеть. Положила щенка рядом с мужчиной, вытащила из мешка краюху хлеба и, жуя ее на ходу, пошла потихоньку.

За ночь Ключиница вернулась в свои берега, оставив на земле мокрый грязный след. Прыгая с камня на камень, я смогла подойти достаточно близко, чтобы зачерпнуть воды и не испачкаться. Умывшись и попив, решила сходить туда, где лежала Кайла. Негоже оставлять тело на растерзание стервятникам, но Терра, кажется, уже позаботилась об этом: яркие синие цветы распустились там, где вчера погибла верная подруга Форра. Я постояла рядом, полюбовалась на красоту. В разгромленном лесу яркий уголок смотрелся радостно. Наверное, Форр бы хотел, чтобы могила Кайлы была такой.

Повздыхав, я повернула обратно к Рэнну и в нескольких шагах от себя увидела волчка! Он все-таки поднялся! Щенок

подошел к цветам, понюхал, чихнул и устроился у моих ног, заглядывая в лицо.

Опустилась перед ним, погладила темную шерсть. Вот ведь – черный! Наверное, Кайла его от пса домашнего нагуляла, не видела я еще лесных волков такой окраски, те в основном серой шубкой хвастали.

– Буду звать тебя Уголек, – сказала щенку, поднимаясь. – Пойдем, а то Рэнн проснется, потеряет нас.

Я шла и все оборачивалась – идет ли за мной? Он проводил меня почти до самого места ночевки, но следом не пошел, свернул в кусты по своим звериным делам. Я решила – если захочет уйти, все равно его не удержу, животное дикое, лесное, ему свобода нужна. А уж вернется, так не брошу одного, с собой заберу, тем более что и Рэнн был не против компании, ну, или просто решил мне не перечить.

Рэнн стоял, зажмурившись и раскинув руки, все у того же упавшего дерева, а вокруг него заворачивался спиралью воздух, и так это завораживающе смотрелось, что я в восхищении замерла. Но когда ветерок, сделав еще круг около мужчины, метнулся ко мне и, ласково подув в лицо, опал, мужчина открыл глаза и недовольно посмотрел на меня, словно я застала его за чем-то непотребным.

– Искал меня так, да? Думал, сбежала? – я усмехнулась, подошла к нему почти вплотную и выдохнула. – Научи также со своим даром управляться?

– Не думаю, что смогу, – Рэнн нахмурился. – Я и учени-

ком-то не самым старательным был, потому и сижу с тобой здесь. Дойдем до драккара брата, он тебе про силу расскажет, если решит, что надо. У нас такому с малолетства учат, дар рано просыпается, требует пригляда и жесткой дисциплины.

Я села на землю:

– Ну хоть объясни, почему она вчера выплеснулась вся, не ощущаю ее почти.

– Я тоже потерял почти половину за один вчерашний день. Ураган вытянул, да и с тобой... – не стал договаривать мужчина и отвернулся в сторону леса. – Я сейчас практически не слышу ветер, и это очень плохо.

Я тут же прислушалась к лесу и с облегчением выдохнула – слышу! Гудел и шумел сейчас лес, страдали сотни деревьев, и хоть вчерашняя моя вспышка очень помогла, оживать всё будет долго.

– Ты пока и свою-то силу принимать не научилась, а вчера в тебе их две было. И ветер мой скорее всего где-то внутри притаился... Вот кабы получилось обе в себе обуздать, тогда... – и Рэнн прикусил язык, лишку сболтнув. А потом подошел и сел рядом:

– Я же шел к вам за потомком великой Воды, – он глубоко вздохнул и, решившись, повернулся ко мне, – Веро опять смогла извернуться...

Я потерла лоб:

– Что ж это получается, не я должна была с тобой идти?

Рэнн мотнул головой и добавил:

– Что ещё Ройс скажет...

И я-то обрадовалась! А ну как решит меня домой отправить, ненужная я окажусь! И правда, зачем ему в горах дар лесной, не в жертву же он меня принести хочет. Я покосилась на Рэнна. Хотя кто их, пришлых, знает-то.

Но появилась маленькая надежда вернуться домой, и хотелось танцевать от счастья. Тут же я ощутила, как от моей радости начало расти тепло внутри. Ласковый огненный шар заполнял меня, и сейчас я так явно его чувствовала, что могла даже осознанно делиться этой силой.

Опустила руки на землю – побежали, обгоняя друг друга, зеленые толстенькие ростки маленьких деревьев. Да, я точно знала, что лесу сейчас нужнее всего... С восторгом я следила, как с моих пальцев падают маленькие искорки, чтобы впитаться в землю и родиться потом яркой и сочной травой.

Наверное, и Рэнн засмотрелся на меня, потому что иначе не объяснить, как мы пропустили приход незваных гостей. Слишком измотанные были после бури, слишком расслабились, как миновала опасность.

Я только успела надеть перчатки, как рядом со мной еле слышно вздохнул Рэнн и одновременно крутанулся на месте – плечо насквозь было пробито арбалетным болтом!

Болт был тяжелый, боевой, его наконечник кровавым углом выходил из спины. Я испуганно метнулась к парню, не сразу замечая, как к месту нашей ночевки со всех сторон на-

чали выходить вооруженные мужчины, и последним появился Колин.

– Отдирайте от этого засранца девку. А потом проучите его как надо, – сплевывая на траву, сквозь зубы процедил старостин сынок. – Вам за все заплачено.

– Девчонкой-то не поделишься? – со смешком проговорил один из головорезов, видимо, главный у них. – Хороша больно, тебе одному отдавать.

– Вам батя сполна заплатил, – повысил голос Колин, а я сморщилась от брезгливости. – Вот у этого еще меч можно забрать, он дорогой, я видел, а девка – моя!

До чего червяк бесхребетный! И это ж сколько денег надо наворовать, чтобы наемникам платить за игрушку себе новую да за месть чужому человеку, прохожему.

– Твоя, твоя, куда я по-другому не скажу! Ты мне не указ, – осклабился щербатым ртом главарь. – Постой-ка в кустах, «батя», пока мужики тут поработают, а там и определим, чья девка да чей меч.

Наемников было четверо, и они начали неспешно приближаться, поигрывая своим оружием.

– Отойди от этого будущего мертвяка да подожди в сторонке, – щербато улыбнулся мне один из парней. – И до тебя очередь дойдет.

Испуганно посмотрела на Рэнна, но отходить побоялась. Кровь пропитала ему всю рубаху сзади, капала со штанин на землю, а правая рука плетью висела вдоль туловища. Я

закусила губу, ведь он говорил, что силу вчера выплеснул, а я и не помогу никак. Не было у нас даже маленького шанса.

Глава 10

Я все-таки недооценила моего спутника. Кто ж мог предположить, что и левой рукой он может управляться с мечом не хуже, чем правой. Стоило первому отморожку сунуться к нам, больше играясь, забавляясь с беззащитной жертвой, как тут же просвистел блеснувший меч Рэнна, и в воздух взметнулись кровавые капли, брызнув мне прямо в лицо. Я никак не могла перестать смотреть, как извивается на земле пока еще живой наемник, зажимая обеими руками рану на шее, из которой обильно, как из кувшина, на землю вытекала кровь.

– Паскуда, – заорал кто-то из мужиков и ринулся на Рэнна. Меня затрещиной отнесло в сторону, прокатило по травке лицом. И я подниматься не стала, лежала, уткнувшись в землю, а перед глазами все стояла жуткая картина, как беспомощно смотрит на меня умирающий мужчина, как стекленеют его глаза, как толчками сквозь пальцы, пузырясь, изливается из его шеи жизнь. Меня замутило. Зажав уши руками, чтобы не слышать криков, раздававшихся совсем рядом, я, открыв рот, отчаянно дышала, чтобы унять тошноту, не чувствовать запах чужой смерти.

Не знаю, сколько я так пролежала, мучительно стараясь выкинуть из головы страшные образы, но в лесу стало удивительно тихо. Так тихо, что я наконец осмелилась открыть глаза и повернуть голову. Раскиданные поломанными кукла-

ми, на земле лежали наемники. Сквозь высокую траву, пробившуюся около меня, не смогла разглядеть, где там в этой куче Рэнн. И, собравшись с духом, осторожно привстала и прислушалась. Ни хрипа, ни вздоха, только лес, замерший было в начале боя, постепенно оживал, а деревья вокруг начали показывать мне картины, от которых снова замутило. Резко присев на траву и сжав кулаки, я тяжело задышала ртом, запрокинула голову, и из глаз потекли дорожки слез.

Зато теперь я знала, где лежит Рэнн. Деревья показали мне, как, отрубив руку по локоть последнему из наемников, главарю, он одним плавным движением меча разрубил того надвое чуть не по пояс, а потом сам упал в траву рядом.

Когда мне немножко полегчало, я осторожно, за деревьями, обходя по кругу место боя, стала подбираться к Рэнну. Все еще было очень страшно, хотя лес и показал мне, что наемники мертвы. Приключинского охальника, Колина, не было среди них, наверное, сбежал, когда душегубы начали умирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.